

Письмо в редакцию

ПОПЫТКА ЗАЧЕРКНУТЬ ОЧЕВИДНОСТЬ,

Или

ДО ВИКТОРА БОКОВА — НАДО ДОРАСТИ!

Высочайшая похвала, какой только может в наши дни удостоиться поэт, самый громкий титул, каким только могут теперь почитать его современники или потомки, состоит в слове «народный поэт».

Виссарион Белинский

У «заумных» критиков-литературоведов есть привычка побивать «посконных почвенников» изысканными интеллектуалами — балалаечников стиха, так сказать, скрипичными виртуозами. Но в реальной, живой поэзии — все не так примитивно: возвышенный Блок очень любил приземленного Некрасова, андеграундный поэт Бродский весьма ценил политрука Слуцкого, а модернист Пастернак восхищался уроженцем подмосковной деревни Язвицы, где при жизни поэта был создан Дом-музей Виктора Бокова.

Где же пролегает граница между хорошей и плохой поэзией и кто имеет право награждать литераторов статусом «таланта» или «графомана»? Графомания (дословно «одержимость писанием») — патологическая страсть к сочинительству. Она обуреует многих, Лев Толстой, например, сам называл себя графоманом, замечая в дневнике: «Если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать». Так что в неудержимой страсти к писательству нет ничего дурного, если она не становится навязчивой, не досаждаёт другим, не пытается подменить собой талантливую литературу. Первый признак графомании — вопиющая несостоятельность при полной неспособности критически воспринимать свои тексты и доверять оценке профессионалов.

Но я убежден, что ничуть не меньше, а, может быть, еще больше графомании в литературоведении, потому что КАЖДЫЙ филолог, даже совершенно бесталанный и глухой к слову, обязан писать рефераты, диссертации, статьи, публиковать свои трактаты, замахиваясь на то, чего понимать в силу узости кругозора — просто не может.

Последний наглядный пример: в номере № 3 (193) 2025 года журнала «Новое литературное обозрение» в несколько претенциозной рубрике «Графомания. Литература и ее границы» на стр. 301–319 был опубликован просто оскорбительный материал Павла Успенского и Ксении Костомаровой «Как феноменология глупости объясняет графоманию? Размышление с иллюстрациями из стихотворений автора Виктора Бокова». Кажется, авторы решили отменить не только отдельного поэта, признанного народом, но и целое явление в поэзии¹. Они прямо заявляют, проявляя даже некоторую снисходительность: «Наш частный случай — советский поэт В.Ф. Боков (1914–2009) — едва ли не образцовый графоман. Хотя удачные тексты встречаются в его книгах (например, знаменитый “Оренбургский пуховый платок”, “На побывку едет молодой моряк”), но их количество не сравнимо с количеством поэтических провалов. Для Бокова такой провал — норма, и это отличает его от больших поэтов, неудачи которых остаются штучными». Во как! Кстати, впервые по отношению к Бокову, пострадавшему от советской власти, слышу недвусмысленное определение «советский поэт».

Главный редактор журнала Ирина Прохорова честно признала, отвечая на возмущенное письмо председателя Фонда творческого наследия Виктора Бокова Татьяны Новиковой, что — недоглядела, не потребовала внести коррективы и смягчить тон. Но, как редактор с полувековым стажем, замечу, что статья, по сути, — не спасаема, не научна, не справедлива в конце концов! Уже само название — просто оскорбительно и вопиет о предвзятости авторов. Порой их просто трудно понять, настолько они кичатся своей высоколобостью. Вот фрагмент, повергший меня, кандидата филологических наук и профессора, в ступор: «Внутри читательского филологического сообщества, к которому мы принадлежим, мысль о том, что графомания вообще и графомания Бокова в частности сконструированы социально, как бы автоматически обесценивает читательскую интуицию. Конечно, можно считать, что наши читательские оценки — следствие элитистской ангажированности, которая работает на поддержание канона, однако вне зависимости от того, правда это или нет, сама оценка — рефлекторна и в момент своего появления не поддается ни контролю, ни интеллектуальному острашению».

Под обвинение поэта Бокова в элементарной глупости авторы подводят довольно шаткую теоретическую базу: «...поэт не только умел писать “под Пастернака”, но иногда придумывал изощренные ритмические решения и полисемические метафорические конструкции (как, например, в стихотворении “Соль” 1956 года, в рамках советской эстетики вполне “сильном”). Дело здесь, по-видимому, в другом: складывается впечатление, что опыт лагеря и сам факт выживания внутри катастрофы опростил и даже оглушил поэтическое сознание Бокова. Д. Бонхёффер в свое время писал, что глупость — это не что иное, как реакция личности на воздействие жутких исторических обстоятельств».

1 Носятся с новым термином-понятием «отмена русской культуры» и все по отношению к Западу его применяют. Но в Милане снова оперу Петра Чайковского поставили с триумфом, а вот в самой России продолжают безапелляционные отмены неугодных писателей: то возмущаются возвращением Александра Фадеева в школьную программу, то автора любимейших в народе песен Виктора Бокова, истинно народного (по Белинскому) поэта, решили развенчать.

Не надо походя использовать имя и одно из высказываний лютеранского пастора с трагической судьбой, который попал в Бухенвальд и был казнен в 1945 году за то, что его проповедь не расходилась с делами. В трагических условиях он, напротив, написал: «Страдание, просто страдание — вот что нам понадобится. Не партии, не натиск, не обмен ударами, все это допустимо в предварительных сражениях, но истинная борьба сводится попросту к страданию с верой», — напишет Бонхёффер в тюремной камере, благодаря Бога за то, что счел его достойным страдания. Как видим, никакого оглушения под воздействием «жутких обстоятельств» нет и в помине. Не поглупели почему-то в самых тяжелых обстоятельствах ни Александр Солженицын, ни более талантливый, на мой взгляд, Варлам Шаламов. А вот Боков — не сдюжил, выходит...

Насколько мне известно, профессор П. Успенский — специалист по поэзии Ходасевича и, как водится, Пастернака. Ну, первый представитель Серебряного века о Бокове, рожденном в 1914 году начала Первой мировой войны, ничего не писал, а вот Пастернак — не раз и восторженно: «Меня всегда радует ясно выступающая очевидность Вашего дарования. Причем Ваш талант именно того рода, какой, по ежедневным уверениям кругом, сейчас так требуется. Если Вы не преуспеваете, то наверно только потому, что у нас подлинности предпочитают подделку. Желаю Вам счастья — Б. Пастернак. 28 ноября 55 г. Переделкино».

Теперь — по сути поэзии и образа самого Виктора Бокова. Как бы ни упирали мы на первостепенность текстов, не устаревает главная рекомендация Иоганна Гёте: «Чтобы лучше узнать поэта, надо побывать на его родине». Причем родина — более широкое понятие, чем место рождения: это тот мир, что взлелеял поэта и человека, откуда он шагнул на литературное поприще. Поскольку авторы статьи использовали как бы новый поджанр — «размышление с иллюстрациями», — я тоже хочу в нем выступить, чтобы снять облыжное обвинение в «глупости», приведя в качестве иллюстраций цитаты из статьи.

Вот, например, читайте:

Ранние стихи Бокова — это еще не графоманская, но эпигонская поэзия, подражающая Пастернаку. В ней воспроизводилась его ассоциативная размашистость и непредсказуемость. Так, например, «Март» (1953) — вольная вариация пастернаковского стихотворения «Душистою веткою мащучи...» (с его темой любви двух капель друг к другу), в которую влетаются характерные для автора «Сестры моей — жизни» музыкальные ассоциации:

Везде и всюду сказывается
 Март, старый капельмейстер.
 Две капли с крыши скатываются,
 Летят на землю вместе.
 И падают на клавиши
 Двух водосточных луночек,
 От радости заплакавши,
 Что снова неразлучны.

Написаны эти стихи, кстати, не в 1953 году, а в 1942-м (авторы ставят даты по тому изданию, которое нашли, — так теперь порой цитируют), когда поэты особо дружили. Но ведь и к Пастернаку можно придраться: что это

за простонародный оборот: «веткой машучи»? Вообще Пастернак совершил просто преступление: Борис Леонидович дал деревенщику Бокову рекомендацию для вступления в Союз писателей, превозносил его, а еще оставил автограф размашистым почерком классика Серебряного века: «Виктору Бокову, любимцу моему, горячему, живому поэту в непрестанном действии, завидном и счастливом».

Авторы статьи как будто не представляют, не чувствуют многоцветную картину русской поэзии, в которой можно обозвать графоманией по непониманию или полной глухоте и заумь Велемира Хлебникова, и детский наив Ксении Некрасовой, и славилы или плачи Николая Тряпкина. Мало ли кому что «не ндравится», а многие — восторгаются! Что же делать? Очень просто: обозвать их недоразвитыми дураками. Авторы заявляют прямо: «Тексты графомана (уже без всяких экивоков! — А.Б.) предстают перед читателем как экран, на который проецируется сознание автора-глупца. Из сказанного, в частности, вытекает, что стыдное удовольствие от плохих стихов, о котором писали Ходасевич и Марков, — это результат вторичной эстетизации». Поймите: какой Марков без имени? Я лично знаю трех поэтов и прозаиков. Но у меня вопрос: куда девать такого интеллектуала и эстета, самого городского и прагматичного мастера стиха, как Александр Межиров, который трепетно написал: «По Москве соскучился, по Бокову, // По его измученному лбу. // И по взгляду — ясному, глубокому, // Пред которым никогда не лгу. // Семечки на полустанке лужаю, // Голову клоню, как во хмелю, // И в слезах целую землю русскую, // Потому что Бокова люблю»?

Я помню, как Александр Петрович подсел ко мне с кофе в буфете «Литературной газеты», когда она помещалась в здании на Цветном бульваре, и вдруг заговорил, слегка заикаясь, о... Некрасове: «Саша, я знаю, что многие молодые относятся к Николаю Алексеевичу с пренебрежением — мол, простоват, приземлен, а он — великий поэт. Помню, что прочитал впервые его строки: “Как молоком облитые, стоят сады вишневые...” и задохнулся от восторга, и влюбился на всю жизнь!» Представляю, что бы сказал резкий фронтовик Межиров подобным авторам-филологам, которые просто зачеркивают целую плодотворную линию русской поэзии: Державина («Пчёлочка золотая»), Кольцова, Некрасова, Клюева, Клычкова, Твардовского, Прокофьева...

В Пушкинском доме хранятся письма Бокова песельнику с Ладоги — Александру Прокофьеву. Вот что пишет Боков старшему собрату:

Я уже просмотрел и повертел с боку на бок до 15 000 частушек... А, вообще о частушке надо писать целую книгу открытий эстетическо-художественного порядка. Я такие вещи встречаю, что меня пот прошибает. Буквально гениальные произведения лирической поэзии, например:

Лягу грудью на ограду,

Позову свою отраду,

Серый камень отвалю,

Встать на ноженьки велю!

Саша, плакать хочется от восторга, что это создано простой девкой; гордишься за народ...

Но и здесь при перечеркивании фольклорного начала подводится псевдонаучная база: «В эволюционной перспективе текст Бокова — мутант, черты которого восходят к чертам поэтики Г. Державина и Б. Пастернака. В поэтологическом же плане “ливни и грозы...” — изнанка высокой поэзии... Письмо таких сочинителей находится в своеобразной “серой зоне” между фольклором и профессиональной литературой, и его лиминальный статус может описываться по-разному: и как “народная графомания”, и как “наивное письмо”. Хотя образцы подобного творчества потенциально согласуются с предлагаемыми в этой статье построениями, однако не могут соотноситься с ними автоматически».

Ну вот, Боков снова попал в «серую зону», но не как зэк в робе, а как поэт-недопрофессионал. Но профессионалы ли те, кто делает подобные программные заявления?

1. «Графоман много и плохо и пишет. Формат статьи лишает нас удовольствия цитировать Бокова в объеме, достаточном для иллюстрации этого тезиса. Читателю остается поверить нам на слово (? — у них же лавина необузданных цитат! — А.Б.)».

2. «Графоман считает себя великим творцом. Боков убежден в важности собственных слов и заранее считает себя частью *великой русской литературы*. (тут — недоуменный курсив авторов. — А.Б.)».

И еще 5 пунктов, как в бухгалтерии.

Допускаю, что кому-то это пение совершенно чуждо, но есть объективность, литературная данность, научная добросовестность, в конце концов! Как можно писать огромную обличительную статью, не изучив материал, не побывав на родине поэта (кстати, можно было молодой сотруднице Института русского языка Ксении Костомаровой лично съездить в Язвицы, в Дом-музей поэта)². Теперь так не работают, не изучают архивные материалы, не сверяются с первоисточниками?

Поэтому и возникают инсинуации, доходящие до прямой клеветы. Например, исподволь и походя ставится под сомнение достоверность высказываний общепризнанных классиков о поэзии Бокова: «Выросший в крестьянской семье, Боков начал писать еще до войны, учился в литературном институте (почему-то с маленькой буквы — это пренебрежение или отсутствие редактуры? — А.Б.) и успел получить одобрение Б. Пастернака, М. Пришвина и А. Платонова. Их комплиментарные отзывы стали частью авторской мифологии поэта». Не мифологии, а важнейшими доказательствами и сутью образа поэта.

В «Новом мире» не так давно («Новый мир» №11, 2023) вышла статья «Переделкино студенческое», где повторены известные и живые воспоминания Бокова о Платонове:

Меня притягивало к нему с невероятной силой. Возрастная разница в пятнадцать лет не мешала нашей дружбе. Мы были как товарищи, как одноклассники. Он стал наведываться ко мне в Переделкино. Появлялся Платонов обычно на расвете. Как ранняя синичка стукнет в окно, подыму занавеску, а он стоит. Сна как не бывало!

2 Лично я, когда писал диссертацию о современной лирической поэзии, не поленился съездить в Белоруссию, посмотреть, как там работают с молодыми. Потом эта глава вышла статьёй в старом «Литературном обозрении» с добавлением опыта тогдашней социалистической Венгрии (не поленился вместо винных погребов сходить в Союз писателей и министерство культуры).

Выхожу на крыльцо, садимся на ступеньки, молчим, а нам хорошо, мы единомышленники.

— Пошли на Баковку, — предлагает Платонов.

— Пошли!

И вот мы на Баковке. Маневрируют паровозы, влюбленно встречает их Андрей Платонов, нет-нет да кинет реплику машинисту, выглядывающему из будки, а тот Платонову рукой помашет, как своему сменщику!..

При встречах с Андреем Платоновым у меня всегда было желание что-нибудь «выкинуть», «отчубучить». Он поддерживал это, его душа была юной и озорной.

Переделкино. Идем с Платоновым к Самаринскому пруду. Навстречу ватага измайловских ребятишек. Поравнялись. Я спрашиваю:

— Ребята! Кто из вас подхалим?

— Я! — выступил вперед бойкий, смысленный паренек.

— Получи рубль за откровенность!

Мальчишка выхватил из моих рук потрепанную купюру. Платонов прослезился от восторга. Эта сцена была в его духе.

Еще Андрей Платонов приезжал к Бокову не только в Переделкино, но и в родную деревню Язвицы. Они пошли купаться в соседнее село Выпуково, где в Тихоновской церкви (она и до сих пор стоит) крестили Витю. Там было водохранилище на реке Кунье с плотинкой. Платонов — технарь по образованию, на родине в Воронежском земельном управлении он занимался мелиорацией — боролся с засухой, руководил строительством плотин. Инженер-мелиоратор нырнул, посмотрел из глубины на плотину и сказал, вылезая на берег: «Много украдено при строительстве!» Нам сегодня не хватает таких зорких оценщиков и писателей, как Платонов, который сразу, по первым публикациям, разглядел самобытный талант.

Но вернемся к авторам, упрямо отстаивающим свою методику: «Сочинение графомана как будто назло лишено глубинных черт литературности и, соответственно, естественных читательских реакций — когнитивной убедительности, чувства включенности в текст и в игру его смыслов, стремления в той или иной степени идентифицироваться с персонажем или говорящим “я”, ощущения правильных слов в правильном порядке. Произведения, которые мы как читатели считаем **настоящей литературой** (? — выделено мной. — А.Б.), дают нам возможность ощутить их эстетическое воздействие и уже как следствие — задуматься о фигуре имплицитного и даже эксплицитного автора, сумевшего “такое” придумать и воплотить».

А чего стоит только этот пассаж: «Мы, авторы статьи, восприняли Бокова как глупца. Однако несложно представить ситуацию, в которой Боков видится эталонным поэтом, а графоманами предстают И. Бродский или А. Драгомошенко».

Драгомощенко — Фигуриной

Отпывая глоток в неопределённом времени, в незавершаемом действии —
Найти место, на столе. Расположение вещи. Но стол и есть место для
Для разнообразных вещей. Странное дело, Потebня грезил
внутренними формами «слов», он начинал с сущности, с платоновских идей в камне,
Начинал и прекращал. Его прекращение не дошло до нас, как, к примеру, «синий».
Однако начало его речи залегало в «столe». Зачем Потebне стол? Это ведь Харьков?

(Журнал «Знамя». 2009. № 8)

Вполне пойму тех, для кого этот текст покажется не эталонным, а самым
что ни на есть графоманским. Так можно выстраивать имена и оскорбитель-
ные приемы-примеры до бесконечности, но есть же определенные границы
порядочности.

У поминаемого Платонова вырвалось страшное в своей прозорливости
предвидение о наших компьютерных, чиновничьих, бездушных временах:
«Настанет время, когда за элементарную ныне порядочность, за простейшую
грошевую доброту, — люди будут объявляться величайшими сердцами, ге-
ниями и т.п., настолько можно пробюрократить, закомбинировать, зажульни-
чать, замучить обыденную жизнь».

Так, выходит, не только жизнь замучили, но и науку о литературе, критику
живой стихии — поэзии? На книге русских сказок «Волшебное кольцо», пере-
сказанных Андреем Платоновым, стоит его автограф: «Виктору Бокову — с лю-
бовью к большому поэту. А. Платонов. 6 окт. 1950». И это посвящение роди-
лось тогда, когда у Бокова не вышло еще ни одной книги стихов!

Но авторы НЛО, пытаясь уличить его в сплошной графомании, копаются
в стихах и выдают: «Взглянем на еще одно стихотворение, которое, как и
большинство текстов Бокова (! — А.Б.), располагается — используя
слова В. Ходасевича о плохих стихах (бр-р — стиль! — А.Б.) — «ниже нуля»:

Ливни и грозы. Лето в разгаре.

Каждый торопится в гости к нему.

Гром даже дня не сидит на вокзале,

Едет то в Тулу, то в Кострому.

Ну и чего здесь «ниже нуля»? Обыгрывание названий, олицетворение при-
роды — расхожий прием русской поэзии, кто внимательно читал ее.

Боков был неистощим на выдумки и жаден до людей, до новых знакомств.
Я помню, как мы летом прилетели на Дни литературы в Тюменской области,
выступали в Тобольском Кремле перед огромным количеством людей, сто-
явших на ногах часа четыре! Потом поплыли от Тобольска по Оби в молодые
города нефтяников — Нефтеюганск, Сургут. Боков глядел на разлив коричне-
ватой воды до горизонта и озорно восклицал: «Люблю, Обь, твою муть!»

Мы все, младшие современники и друзья Виктора Фёдоровича, учились
у него этому вечному восторгу и вкусу жизни, выстрадавшему оптимизму и свя-

тому отношению к поэзии, разлитой в самом воздухе русской равнины. Этот неиссякаемый источник бил в нем с юности, потому и получил он признание и простых слушателей бесхитростных вроде песен, и самых взыскательных мастеров:

Меня признали — Пастернак и Пришвин,

Андрей Платонов, а еще — народ.

Под веткой наклоненной старой вишни

Ко мне стучится слава у ворот.

Недаром Борис Пастернак обратился с письмом в издательство «Советский писатель», в котором просил издать первую книгу стихов Виктора Бокова, пожертвовав бумагу, выделенную типографии на издание его собственных стихов. Этот вопрос правление Союза писателей СССР обсуждало на своем заседании, как написано в книге воспоминаний Николая Старшинова «Что было, то было...».

Он творил до глубокой старости. Умный прозаик и тонкий редактор Лидия Сычева писала: «Поэт Виктор Боков — очаровывает с порога. И не светскими расшаркиваниями, а стихами. Горячими — только что с машинки. Для восьмидесятичетырехлетнего человека уж больно авангардными. Про шоу-бизнес, балзакоживопись и неокантианство. Я — в шоке. Ожидаешь балалайки с ложками, а получаешь компьютерную симфонию». Боков ей рассказывает, откуда корни его поэзии: от деревенской мамы — чудесницы образной речи, от чтения классиков запоем, от учебы у волшебника прозы Михаила Пришвина и общения с Борисом Пастернаком, чей стих прихотлив и сверкающ, как весенняя Сетунь в Переделкине. Но больше всего — от фольклора, от русских песен, которые пели ему воронежские женщины: «Чудо, как они пели, как плясали, я же ночи напролет с ними просиживал! Мне преподали бабы воронежские за один вечер больше, чем весь Литинститут».

Преувеличение, конечно. Но в духе Бокова, который авторам НЛО — просто не доступен, они кощунственно отстраняют его от себя, от поэзии и оскорбляют самородка, обвиняя его в недоразвитости, приплетая перенесенную трагедию после отбывания срока в СИБЛаге и другие измышления, оскорбляющие честь и достоинство поэта. Кокетливый финал статьи в духе «Похвалы глупости» подходит на глумление, на подобие издевки над юродивым: «Чтение Бокова вначале вызывает изумление и, может быть, отторжение, но со временем приводит к удовольствию от его плохих стихов. Более того, чем больше Боков входит в нашу жизнь, тем нежнее становятся наши чувства к нему как абсолютному другому. Отсюда — один шаг до своеобразной любви, как бы глупо это ни казалось».

И впрямь — глуповато, хотя есть более сильные определения, как все это выглядит. Но останемся в рамках литературной статьи, а не коммунальной квартиры или зала суда.

Александр БОБРОВ —

председатель Совета по песне Союза писателей России,

председатель комиссии по творческому наследию В.Ф. Бокова,

кандидат филологических наук, профессор кафедры журналистики МосГУ

+7-916-196-56-99, bobr304@yandex.ru